
СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL STUDIES AND SECURITY

Научная статья / Research article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2024)3-06

Сравнительный анализ ценностных ориентаций китайских и российских студентов в отношении обучения в контексте теории культурных измерений Г. Хофстеде

Ольга Владимировна Кузнецова¹,
Евгений Владимирович Кремнёв²,
София Евгеньевна Алексеюк³

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологическо-
го центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия;
kuznetsova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологическо-
го центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия;
kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

³ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
inyaz@isu.slovo.ru

Аннотация. В ходе процесса постоянного мирового развития, а также глобализации и интернационализации сложившиеся в обществе правила и нормы постоянно претерпевают изменения. Вместе с глобальными переменами все больше преобразуется сознание

обычного человека, являющегося отдельным элементом огромной системы. Особый интерес представляет изучение того, как трансформируются ценностные ориентации отдельно взятой социальной группы с течением времени. Цель исследования — определить, можно ли обнаружить некоторые изменения в системе ценностей китайских и российских студентов в настоящее время по сравнению с данными, полученными Г. Хофстеде. Объектом изучения стали китайские и российские студенты. Анализ полученных в ходе интервью ответов китайских и российских студентов показал, что представляется возможным обнаружить несовпадения по ряду критериев с данными Г. Хофстеде. В данной статье приводятся результаты интервью студентов, которое было построено на обсуждении одной темы — их отношения к процессу обучения. Главным результатом исследования стало выделение трех критериев, где обнаруживаются некоторые несовпадения данных Г. Хофстеде и результатов опроса. Так, к главным различиям мы относим сравнение по критериям дистанции власти, уровню индивидуализма и избегания неопределенности.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации, Китай, Россия, студенчество, теория культурных измерений, Г. Хофстеде

Для цитирования: Кузнецова О. В., Кремнёв Е. В., Алексеюк С. Е. Сравнительный анализ ценностных ориентаций китайских и российских студентов в отношении обучения в контексте теории культурных измерений Г. Хофстеде // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 3. С. 109–126. doi: 10.14258/ssi(2024)3-06.

Comparative Analysis of Chinese and Russian Students Value Orientations in Relation to Learning in the Context of G. Hofstede Theory of Cultural Dimensions

Olga V. Kuznetsova ¹,
Evgeny V. Kremnyov²,
Sofia E. Alexeyuk³

¹Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; kuznetsova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>

²Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

³Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; inyaz@isu.slovo.ru

Abstract. During the process of constant global development, as well as globalization and internationalization, the rules and norms that have developed in society are constantly undergoing changes. Along with global changes, the consciousness of an ordinary person, who is a separate element of a huge system, is being transformed more and more. Nowadays the study of how the value orientations of a particular social group are transformed over time is of particular interest. The purpose of the study is to determine whether it is possible to detect some changes in the value system of Chinese and Russian students at the present time compared with the data obtained

by G. Hofstede. The object of study was Chinese and Russian students. The analysis of Chinese and Russian students' responses received during the interview showed that it is possible to detect discrepancies in a number of criteria with the data of G. Hofstede. This article presents the results of an interview with students, which was based on a discussion of one topic — their attitude to the learning process. The main result of the study was the identification of three criteria, where some discrepancies between the Hofstede data and the survey results are found. Thus, the main differences include a comparison based on the criteria of power distance, the level of individualism and avoidance of uncertainty.

Keywords: values; value orientations; China; Russia; studentship; theory of cultural dimensions; G. Hofstede

For citation: Kuznetsova, O. V., Kremnyov, E. V., Alexeyuk, S. E. (2024). Comparative Analysis of Chinese and Russian Students Value Orientations in Relation to Learning in the Context of G. Hofstede Theory of Cultural Dimensions. *Society and Security Insights*, 7(3), 109–126. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)3-06.

Введение

Студенческая молодежь, являющаяся движущей силой общества всех периодов мировой истории, подвержена большему воздействию со стороны внешних факторов. Она характеризуется склонностью к девиации, в некоторых случаях неустойчивостью своего социального и материального положения, а также постоянным поиском своего места в парадигме социальных отношений. Помимо этого, она в наибольшей степени способна к усвоению, реализации и трансляции социокультурного наследия (Крालичев, 2016), именно поэтому молодежь, как специфическая и социально-профессиональная группа, а также ее интересы и ценности являются объектом многих исследований современных социологов.

Еще большее внимание исследователей притягивает сравнение зарубежных представлений о культурных ценностях с российскими, которые знакомы каждому, кто интересуется историей, культурой России и стилем жизни самих россиян. Одним из ключевых проблемных вопросов работ такого рода является вопрос о возможности трансформаций в системе ценностей изучаемых объектов с течением времени. Данная работа направлена на сопоставление ценностных ориентаций китайских и российских студентов и их взглядов на процессы обучения в соответствующих странах.

Актуальность изучаемой темы заключается в возрастающем культурном и образовательном обмене между гражданами России и Китая. Так, в 2021 г. успешно завершились Годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. В 2024 г. Президентом РФ Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпинем был дан старт Годам культуры России и Китая. Взаимодействие в научно-образовательной сфере продолжает являться одним из ключевых направлений развития российско-китайских отношений. В настоящее время страны реализуют 167 двусторонних образовательных программ на русском и китайском языках, создано 27 совместных образовательных организаций. В 12 межвузовских ассоциаций двух стран входят около 600 уни-

верситетов¹. Цель исследования обусловлена актуальностью его проблемы и заключается в выявлении изменений в системе культурных ценностей российского и китайского студента XXI в. касательно процесса обучения по сравнению с теорией культурных измерений Г. Хофстеде, М. Х. Бонда и М. Минкоффа.

Выявление культурных различий между представителями разных национальностей является основой кросс-культурных исследований, а создание и развитие моделей культурных измерений имеет большое значение для углубления исследований в этой области. С 1960–1970-х гг. появился ряд теорий и взглядов на культурные измерения, среди которых наибольшее влияние оказала модель культурных измерений голландского ученого Герта Хофстеде, которая широко используется для измерения различий культурных систем.

Первоначально для анализа культурных различий между странами автором предлагались только четыре измерения: дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм — коллективизм и маскулинность — феминность. Позже Г. Хофстеде принял дополнения Майкла Минкоффа и Гертруды Хофстеде к своим теориям, добавив долгосрочную/краткосрочную ориентацию и снисходительность/сдержанность (杨佳航, 2021). Отметим, что примеры исследований, где теория Хофстеде применялась для изучения культурных процессов в образовательной среде, достаточно редки, в основном работы подобного рода посвящены изучению динамики социально-политических процессов. Р.В. Солопов и Ю.В. Таратухина используют предложенную модель при изучении проблем выбора адекватных мультимедийных технологий в дистанционном обучении в зависимости от принадлежности к культурной группе и приходят к выводу, что культурные различия, выделенные Хофстеде, влияют на удобство восприятия информации и удобство получения образования. Соответственно для представителей разных культур необходим выбор оптимальных мультимедийных технологий и оптимальной структуры системы управления обучением (Солопов, Таратухина, 2016). Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко отмечают, что обнаруживается сравнительно мало исследований, в фокусе внимания которых ментальность одной из самых важных для любого государства социальных групп — студенчества. В качестве примера авторы упоминают исследование ментальных ценностей российского студенчества по методике Г. Хофстеде, выполненное Н.В. Латовой, А. Эргенели, Ю.В. Латовым и Ж. Темирбековой, в результате которого была подтверждена гипотеза о том, что высшее образование в странах Востока является «транслятором» западных ментальных ценностей, а студенты в этих странах отличаются повышенным индивидуализмом и в значительной степени «вестернизированнее» большинства своих сограждан (Лебедева, Татарко, 2007). Таким образом, представляется, что данная статья может внести определенный вклад в направление исследований по изучению динамики ценностных ориентаций студенчества.

.....
¹ Россия и Китай активно развивают сотрудничество в области науки, высшего образования и молодежной политики. URL: <https://www.unkniga.ru/news/rossiia-i-kitai-aktivno-razvivaiut-sotrudnichestvo-v-oblasti-nauki-vysshego-obrazovaniia-i-molodezhnoi-politiki.html>

Методы исследования

Для теоретического обоснования исследования использовались теория культурных измерений Г. Хофстеде, которая по сей день находит широкое применение как в академических исследованиях, так и в межкультурной практике (Jones, Alony, 2008; Girlando, Eduljee, 2010; Bluszcz, 2016; Beugelsdijk, Welzel, 2018; Науменко, Морозова, 2018). Теория представляет собой систему измерения культурных различий между странами. Исследование проводилось на основе широкомасштабного анкетирования по культурным ценностям, проведенного транснациональной компанией IBM в 1960–1970-х гг. По результатам анализа полученных данных Хофстеде предложил собственную классификацию национальных культур, исходя из перечисленных выше шести параметров, имеющих значение при анализе межкультурной коммуникации. Значимость теории заключается в появлении возможности сравнения характеристик различных культур с целью анализа культурных различий и их последствий для социальных процессов.

Исследование было построено на использовании метода глубинного интервью. В качестве интервьюируемых были выбраны разнополюсные студенты всех курсов направления подготовки «Лингвистика» Иркутского государственного университета, г. Иркутск, и Северо-восточного педагогического университета, провинция Цзилинь, КНР, возрастного диапазона от 18 до 27 лет. Срок проведения исследования — март-декабрь 2023 г.

Процедура проводилась по принципу квотной выборки: отбор опрашиваемых студентов не являлся случайным — интервьюер сам выбирал респондентов (задавались общие параметры: предпочтительно обучающиеся разного возраста, ступени образования, количество — 16 чел.). Для проведения глубинных интервью нет необходимости в привлечении широкого круга респондентов, считается, что для анализа однородной группы опрашиваемых достаточно от 8 до 10. Привлечение большего числа респондентов, по статистике, лишь незначительно повышает его ценность. Разработанный гайд представлял собой блок вопросов из двух частей: представление интервьюируемого и часть, посвященная анализу культурных ценностей согласно классификации Г. Хофстеде. Вопросы интервью менялись в зависимости от ступени образования студента, отсутствия или наличия отдельных элементов обучения (например, наличие/отсутствие стипендиальных выплат, отсутствие теоретических предметов на выпускном курсе у китайских студентов), количества свободного времени, его увлечений. Опросник, помимо представления студента (его возраста, родного города/провинции, курса, направления), включал 13 вопросов, разделенных в соответствии с их отнесенностью к одной из категорий Хофстеде (высокая/низкая дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, избегание неопределенности, краткосрочная/долгосрочная ориентация, индугенция/снисходительность). Основными вопросами являлись: как Вы относитесь к строгой дисциплине со стороны преподавателя; как лично Вам легче воспринимать информацию — обсуждая материал вместе с группой или самостоятельно искать источники информации; как бы Вы охарактеризо-

вали обычного российского/китайского студента; какой метод в процессе обучения Вы предпочтете: точное структурированное изложение темы или метод эксперимента, поиск ответа в формате свободного обсуждения, и почему; как Вы расходуете свою стипендию; какое отношение у преподавателей к внеурочной деятельности студентов и их хобби?

Помимо вопросов, представляющих собой выбор предпочтительного ответа, описание ситуации или собственного мнения, блок включал вопросы, предполагающие приведение студентом конкретных примеров из жизни, его рассказ о возникающих трудностях в процессе обучения или особенностях взаимодействия с преподавателями или одногруппниками. Конкретным примером такого типа вопросов является следующий: расскажите, как Вы обычно готовитесь к теоретическим экзаменам по каким-либо дисциплинам?

Результаты

Кратко охарактеризуем полученную в ходе интервью информацию с целью выведения результатов сравнения культурных ориентаций студентов России и КНР.

В качестве *первой гипотезы* было выдвинуто предположение о том, что данные, опубликованные Г. Хофстеде в книге «Последствия культуры», в настоящее время начинают утрачивать свою актуальность, так как в современных условиях критерий дистанции власти в китайском обществе выражен сильнее, чем в российском; данное предположение подтвердилось на практике — ответы большинства опрошенных противоположны статистике, представленной Г. Хофстеде в своих трудах.

Согласно Г. Хофстеде Китай — страна с высокой дистанцией власти, так как неравенство между людьми является нормой, отношения между начальством и работниками характеризуются четкой иерархией, люди всегда находятся под влиянием авторитетов. В нашем же исследовании критерий дистанции власти предполагает отношения «преподаватель — студент», так как во время обучения преподаватели и администрация университета являются главным инструментом контроля.

Все китайские студенты без исключения подчеркнули, что, несмотря на то что преподаватель в современном мире уже не является главным источником знаний, культ преподавателя в Китае силен так же, как и несколько десятилетий назад. Стоит отметить, что самым авторитетным источником в любой жизненной ситуации являются слова преподавателя, которые не только дают знания, но направляют и вдохновляют студента.

Для исследования реального отношения обучающегося к словам преподавателя студентам задавался вопрос «Если учитель во время урока допустит ошибку, укажете ли вы на нее?» для того, чтобы проверить, способен ли студент во время занятия переступить грань «преподаватель — студент» и сказать о допущенной ошибке. Как результат среди граждан Китая двое студентов ответили утвердительно, пятеро сказали, что не стали бы исправлять преподавателей из уважения, и один никогда не замечал ошибок преподавателей.

Интересно, что китайские студенты не смогли привести конкретных примеров из жизни, которые помогли бы рассмотреть такую ситуацию, во всех ответах обнаруживается лишь гипотетическое представление о том, что бы они делали в подобной ситуации:

«Я скажу учителю, когда он ошибается, потому что его мнение — это то, что я тщательно обдумал, и он тоже тщательно обдумал, ...поэтому я скажу учителю, что я думаю, а потом пусть учитель объяснит, почему наши идеи становятся, и мы найдем правильное решение...» (Кит. студ. 2 курс, муж., 20 лет).

Как уже было сказано, большая часть китайских студентов (62%) объяснили, что преподаватель в обществе стоит на более высокой ступени, поэтому подвергать слова учителей критике является неуважением и грубостью:

«...потому что у нас сравнительно иерархичный менталитет, я думаю, и учитель находится на достаточно высоком месте...» (Кит. студ. 3 курс, муж., 22 г.).

«В Китае учителя находятся в естественном положении превосходства над учениками, потому что они старше нас, поэтому из уважения к учителю они не станут указывать на ошибки...» (Кит. студ. 3 курс, жен., 22 г.).

Противоположная ситуация наблюдается у российских студентов, которые во время общения с преподавателями чувствуют себя свободнее и, согласно большинству опрошенных, с решительностью поправляют преподавателей: пятеро опрошенных подтвердили, что им важно исправлять преподавателей, один не исправляет преподавателей из уважения и двое никогда не замечали ошибок преподавателей.

Согласно данным, собранным в ходе интервью, российские студенты критично относятся к словам преподавателей и свободно вступают в дискуссию, если замечают неточности. В отличие от китайских студентов, рассматривающих заданный пример лишь как гипотетический, для наших соотечественников данная ситуация вполне реальна, студенты охотно описывают ситуации, когда видели ошибки или несоответствия в словах преподавателя — наиболее часто такое происходит из-за упоминания дат или исторических событий, неправильной постановки ударения или неточности в расчетах на доске или слайдах презентаций:

«Преподаватели в большинстве своем грамотные, но я, бывает, поправляю — например, преподаватель по истории путал у нас даты и названия битв...» (Рос. студ. 4 курс, жен., 20 лет).

Меньшинству опрошенных либо не удастся заметить ошибки, либо они не могут представить такую ситуацию вовсе:

«Нет, конечно, у меня не было таких ситуаций, чтобы я исправляла учителя — ошибку видела, для себя отмечала, конечно, но никогда не исправляла. Представь, сидит студент младше тебя, еще и поправляет тебя...» (Рос. студ. 4 курс, жен., 20 лет).

Более того, большинство китайских студентов практически не имеют возможности во время занятия задать интересующий их вопрос или предложить тему для обсуждения, главным сдерживающим фактором является многочисленность групп. Главный метод обучения — чтение лекций, что значительно услож-

няет взаимодействие преподавателей и студентов. Противоположная ситуация наблюдается в среде российских студентов. Несмотря на аналогичную многочисленность обучающихся, во время занятия преподаватели всегда рады инициативе студента, который хочет что-то спросить или высказать свою точку зрения.

Таким образом, мы подтвердили, что в китайском обществе отношения «преподаватель — студент» отличаются иерархичностью, неравенство между фигурой учителя и студента хорошо заметно. Данные интервью доказывают нашу гипотезу об утрате актуальности данных Г. Хофстеде, утверждающего, что китайское общество характеризуется более низкой дистанцией власти по сравнению с российским.

В качестве *второй гипотезы* мы выдвинули предположение, что в связи с тем, что китайское общество носит черты коллективистской культуры, показатель «индивидуализма» в российском обществе гораздо выше. Подтверждение этому обнаруживается в ответах китайских студентов на вопрос *«Как вам легче работать во время занятия?»*. Пятеро выбрали ответ «коллективно», двое — «индивидуально», один человек — «и коллективно, и индивидуально».

Как видим, большинство опрошенных выступают за коллективное обучение: совместное решение математических задач, обсуждение литературных произведений и представление презентаций:

«Если вы вместе обсуждаете мнения других людей, такое столкновение идей приносит просветление и вдохновение. Если вы один, то можно сказать, что вы поймали себя в ловушку. Вы не можете убежать от собственных мыслей и забыть о них...» (Кит. студ. 3 курс, жен., 22 года).

Мнения российских студентов в данном вопросе ожидаемо сходятся: большинство (пять человек) предпочитает нести ответственность только за себя и самому изучать литературу и вести конспекты, трое опрошенных равноценно оценили оба вида работы.

Итак, большая часть российских студентов выступает за индивидуальную работу, так как в этом случае «не нужно на кого-то полагаться» и «так легче справиться с мыслями». Главным минусом коллективного метода работы студенты считают ответственность за других:

«...намного сложнее справиться, постоянно кто-то на что-то отвлекается, ...обычно я все знаю, как нужно делать, ответственность только на мне, я никого не тороплю, сама за себя отвечаю, поэтому люблю больше работать индивидуально» (Рос. студ. 4 курс, жен., 20 лет).

Согласно классификации Г. Хофстеде российское и китайское общество по степени индивидуализма находится практически на одном уровне, что заметно расходится с данными проведенного нами интервью. Большинство китайских студентов считают коллективную работу неотъемлемой частью образовательного процесса, тогда как никто из российских студентов не выбрал такой тип работы как наиболее удобный и уместный.

Полученные нами результаты подтверждает и явление атомизации российского общества. Понятие «социальной атомизации» впервые используется аме-

риканским философом Ханной Арендт в ее труде «Опыты понимания» (Арендт, 2018). У Х. Арендт явление «социальной атомизации» является признаком тоталитарных обществ, однако существует и другая точка зрения — ее, например, придерживается кандидат психологических наук Ю. В. Козлова. Согласно ее точке зрения, «социальная атомизация» присуща демократическим обществам, у которых нет необходимости бороться за свои права, а социальные институты благополучно развиваются. Среди причин активной атомизации российского общества Ю. В. Козлова выделяет следующие: демократизация, глобализация, прозрачность границ, языковая свобода, цифровизация (Козлова, 2020).

Предположение №3 было сформулировано нами следующим образом: критерии маскулинности/феминности российского и китайского общества полностью совпадают с представлениями современной студенческой молодежи. Согласно классификации Г. Хофстеде российское общество носит черты феминности, тогда как китайское отличается маскулинностью. В рамках такого разделения в маскулинных культурах центральное место занимают работа, сила, независимость, материальный успех, открытость, конкуренция и соперничество и существует ясное разграничение мужских и женских ролей. В феминных культурах эти признаки считаются не столь важными. На первом плане здесь находятся эмоциональные связи между людьми, забота о других членах общества, сам человек и смысл его существования. В нашей работе феминность студента предполагает баланс интересов, избегание конфликтов, предпочтение компромисса прямому столкновению.

В процессе интервью студентам предлагалось описать образ типичного студента — представителя его культуры. В вопросах, касающихся отношения к учебе, в речи китайских студентов часто встречались слова «трудолюбивый», «старание», «терпение», «награда», «сосредоточение», «уверенность», «развитие», «мотивация» и т.д. Однако каждый из студентов привел примеры немотивированных учеников, которые во время занятий предпочитают отсиживаться на задних партах, играть в мобильные игры и несерьезно относиться к словам преподавателя. Причиной такого поведения студенты считают напряжение и стресс в старшей школе во время сдачи экзаменов и следующий после этого период резкого послабления — жизнь в кампусе университета, где молодые люди представлены сами себе, самостоятельны и независимы.

Что касается защиты интересов и избегания конфликтов — китайские студенты едины во мнении: только в крайних случаях можно допускать открытое столкновение. Большинство китайцев даже в случае несогласия стараются сдерживать недовольство внутри:

«Я думаю, что большинство китайцев на самом деле держат свои эмоции внутри и поддерживают поверхностную гармонию» (Кит. студ. 2 курс, муж., 20 лет).

Вышеперечисленные факты не отменяют традиционного стремления к успеху и выгоде, каждый из опрошенных при необходимости вступает в конкуренцию с противниками и готов прилагать огромные усилия для достижения цели — большинство студентов прошли длинный и тяжелый путь подготовки

к экзаменам, поступления в университет и написания курсовых работ. Как для мужчин, так и для девушек главной жизненной целью является получение прибыльной работы и стабильного заработка.

Российское общество склонно иметь черты феминности. Большинство людей уверены в том, что согласие и консенсус — это хорошо, равенство справедливо, а проигравший заслуживает уважения и симпатии. Большое внимание также уделяется чувствам людей и состоянию окружающей среды. Отвечая на вопрос об отношении к учебе, все российские студенты выразили позицию, сходную с китайской: учеба является важной составляющей жизни студентов, однако некоторые не уделяют ей достаточно времени и внимания. Главной отличительной чертой является совмещение учебы и работы, иногда в ущерб учебному процессу:

«В большинстве университетов не очень следят за посещаемостью, поэтому можно совмещать несколько дел одновременно, то есть и учебу, например, и работу» (Рос. студ. 4 курс, жен., 20 лет).

«Для меня есть два типа студентов — это либо активисты, которые горят профкомом, либо это студенты, которые уже на первом курсе хотят отчислиться. Больше всего как раз второго типа, которые просто плывут по течению» (Рос. студ. 3 курс, жен., 19 лет).

Согласно мнению опрошенных, российские студенты обычно скромны и сдержанны в выражении чувств и эмоций, никогда не идут на конфликт, но готовы до конца сохранять свою точку зрения, не прибегая к насилию или оскорблениям. Раннее начало трудовой деятельности свидетельствует как о необходимости зарабатывать, так и о необходимости в раннем возрасте брать ответственность не только за себя, но и за работу:

«Для меня, как для старосты, очень важно следить за успеваемостью и посещаемостью одногруппников, держать связь с преподавателями и подавать какой-то пример. Как человеку, мне еще нужно успевать работать, следить за своими учениками и готовить уроки, поэтому я с уверенностью могу сказать, что я ответственна буквально за всех и вся» (Рос. студ. 3 курс, жен., 20 лет).

Таким образом, представляется, что ни одно из исследуемых обществ нельзя назвать исключительно феминным или маскулинным, т.е. результаты опросов усреднены, однако нельзя отрицать тягу российского общества к феминности, а китайского — к маскулинности.

Гипотеза №4, представленная тезисом «Оценки культурных измерений согласно критерию „избегания неопределенности“ со времени публикации книги „Последствия культуры“ также претерпевают изменения, так как китайский студент рассматривает неопределенность как угрозу, поэтому структурированное обучение является единственным верным вариантом достижения успеха» частично подтверждается в отношении китайских и российских студентов к заданиям, рассчитанным не на структурированное объяснение, а на свободное обсуждение, метод эксперимента или деловую игру. Такие задания требуют от студента не только знаний, но и умения адаптироваться к быстро изменяющимся условиям и навыков разработки инновационных решений.

Г. Хофстеде в своем труде «Последствия культуры» относит китайское общество к обществам с низкой степенью избегания неопределенности. Автор считает, что взаимодействие китайцев наполнено двусмысленностью, они предприимчивы и привыкли адаптироваться. Такие общества принимают неопределенность как естественную часть жизни, которую следует принимать такой, какая есть. Им присущ низкий уровень стресса и тревоги, отношение к «другому» как к чему-то интересному, а не опасному, а также меньшая озабоченность деньгами и безопасностью (Hofstede, 2011).

В процессе интервьюирования китайских студентов мы получили результаты, частично совпадающие с данными Г. Хофстеде. Студенты разных специальностей предпочитают групповые дискуссии, потому что именно в процессе обсуждения и высказывания идей «рождается истина», однако из-за методов обучения и преподавания в Китае обучающиеся практически не имеют такой возможности:

«Я по-прежнему предпочитаю групповые обсуждения. Но в Китае их очень мало. Может быть, из-за того, что студентов больше — у нас нет возможности увидеть это. Только в небольших классах, где не так много студентов, возможна такая групповая работа» (Кит. студ. 3 курс, жен., 24 года).

Группы в университетах в Китае составляют 25–30 человек, все они должны принимать авторитет преподавателя и не могут открыто высказывать свое мнение. Для подробного исследования этого вопроса мы также просили студентов рассказать про новые методы обучения — например, преподавание с использованием компьютерных технологий, эксперименты и деловые игры. Лишь один студент мог привести в пример домашнее задание, суть которого заключалась в поиске носителей английского языка и записи видео. В основном занятия ведутся с применением программы Power Point, что не требует от студентов выхода из «зоны комфорта» и необходимости адаптации к новым условиям.

Аналогичная ситуация наблюдается и в среде российских студентов — современные методы обучения в меньшинстве. Во время занятий применение компьютерных технологий осложняется недостаточным оснащением учебных заведений, деловые игры не проводятся в связи с неподходящей спецификой, недостаточный уровень подготовки преподавателей не позволяет провести полноценный эксперимент. Однако вместе с этим очень распространены дискуссии, где студенты вынуждены быстро придумывать решение проблемы или, например, как представители специальности «Менеджмент», уметь быстро и безболезненно решать конфликты между членами коллектива и коллегами.

Таким образом, в результате проведения опроса и получения эмпирических данных и ввиду специфики методов обучения представляется возможным отнести китайских студентов к обществам с высокой степенью избегания неопределенности, а российских — к обществам с низкой степенью избегания неопределенности.

Гипотеза №5 «Результаты исследований Г. Хофстеде по критерию „долгосрочной/краткосрочной ориентации“ не теряют своей актуальности, так как в китайском обществе более выражена долгосрочная ориентация, а в российском более видны черты краткосрочной» подтверждается на примере большинства опрошенных.

В процессе интервьюирования мы задавали студентам вопросы об их отношении к заданиям, рассчитанным на долгосрочное выполнение. Под такими заданиями мы подразумеваем пересказ литературных произведений, подготовку к теоретическим экзаменам, анализ учебной литературы. Для исследования этого критерия мы также задавали студентам вопросы об их отношении к стипендии или, при ее отсутствии, о том, как они тратят зарплату или деньги, полученные от родственников.

Все китайские студенты подтвердили гипотезу об их отнесении к обществам с долгосрочной ориентацией — они начинают подготовку заранее и изучают все вопросы, которые может задать преподаватель. Среди предметов, изучаемых студентами, преобладают теоретические — такие как история, литература, филологические дисциплины, которые требуют запоминания большого количества информации. В таких случаях китайские студенты не полагаются на удачу, а прибегают к помощи старшекурсников или составлению «ментальных карт», которые способствуют систематическому запоминанию материала.

Согласно опыту российских студентов, «китайский» тип изучения материала является скорее исключением. Большинство студентов полагаются на собственные знания, полученные во время занятий, или на случай:

«Был такой случай, когда я выучила на экзамен один или два билета ... в день экзамена я пришла в университет, вытянула один выученный билет и пошла домой с „отлично“» (Рос. студ. 4 курс, жен., 21 год).

Среди российских студентов распространен метод совместной подготовки, который предполагает разделение вопросов на части и коллективное написание ответов на вопросы. В случае подготовки анализа произведений или пересказа статей большинство студентов полагаются на заранее выделенные отдельные тезисы, но не тщательно изученный материал:

«В таких случаях я скорее выделю себе какие-то отдельные мысли, пойму, что мне точно есть что сказать, и применю свой дар убеждения...» (Рос. студ. 3 курс, жен., 19 лет).

Отношение китайских и российских студентов к трате стипендии одинаково, причем это объясняется не сходством культурных ценностей, а размером денежных отчислений. Все студенты без исключения либо не получают стипендии, либо ее размер слишком мал для обеспечения их нужд. Получая материальную поддержку от родственников, большинство студентов скорее будет распределять ее на более долгий срок, однако есть и примеры бездумной траты средств, что, в свою очередь, больше распространено среди российских студентов.

Таким образом, опрос показал результаты, аналогичные данным опроса Г. Хофстеде, согласно которым китайское общество имеет более высокий балл по критерию «долгосрочной ориентации», так как отличается бережливостью, а также настойчивостью и ответственностью в достижении долгосрочных целей. Российские же студенты более ориентированы на быстрый результат и склонны откладывать долгосрочные задачи и цели на более поздний срок.

Гипотезой №6 стало предположение, что критерий «снисходительности» одинаково низок в обеих странах, так как студенты склонны к подавлению стрем-

лений к удовольствиям и более жесткому регулированию поведения, а также более строгим социальным нормам. По нашему мнению, оно подтверждается на основе ответов российских и китайских студентов. Снисходительность характерна для общества, которое допускает относительно свободное удовлетворение естественных человеческих потребностей, приносящих наслаждение жизнью и развлечения. Сдержанность же характерна для такого общества, где удовлетворение желаний подавляется и регулируется, например, за счет соблюдения строгих социальных норм. В процессе интервью студентам задавались вопросы, касающиеся внеурочной деятельности студентов, а также жизненных приоритетов.

Как мы уже указывали выше, китайские студенты ставят образование и карьеру на первое место, главной целью их жизни является преодоление конкуренции и достижение хорошего заработка. Для того чтобы достичь всего этого, студентам очень часто приходится пройти через большое количество препятствий — таких как экзамены и контрольные работы, мнение родителей и строгие социальные нормы, которые диктуют образцовое поведение и подчинение родителям и учителям:

«На самом деле, на мой взгляд, у китайских студентов одно хобби, потому что воспитание, которое мы получаем с детства, заключается в том, что нужно хорошо учиться, а другие вещи, кроме учебы, не важны. Мне кажется, что у студентов из России или некоторых западных стран много хобби, например, походы, катание на лыжах, плавание, спорт или какие-то культурные мероприятия...» (Кит. студ. 3 курс, жен., 22 года).

Согласно результатам опроса, у меньшинства студентов есть время на собственные увлечения или хобби — обычно это клубная деятельность. Культурные мероприятия и хобби редко являются причиной пропуска занятий у китайских студентов, так как обязательное присутствие на занятиях официально закреплено в уставах университетов. Однако преподаватели никогда не интересуются причиной пропуска занятий, это регулируется лишь степенью сознательности студента — каждый из них знает, что пропущенный урок в конце концов им нужно будет выучить самим.

У китайских студентов вместе с поступлением в университет возрастает и степень ответственности за себя и свое будущее. Отношение родителей и детей в Китае отличается от российской традиции. После переезда в другой город или в кампус китайские студенты часто очень тяжело переживают расставание с родителями, им сложно привыкнуть к новой жизни и взять на себя обязательство самостоятельного ухода за собой и своего обеспечения. Именно поэтому большая часть времени у китайских студентов уходит на то, чтобы позаботиться о себе, позвонить своим родственникам, а оставшееся время уходит на обучение.

Ответы российских студентов также свидетельствуют о высоком уровне «сдержанности». Российские студенты действительно имеют намного больше возможностей для занятия спортом и искусством, а также большинство уделяет много времени работе. Причем даже работающие студенты ставят учебу в приоритет, это обосновано либо давлением со стороны родителей, либо собственным

желанием студентов. Ответы студентов об отношении преподавателей разнятся в зависимости от специальности обучающегося. Так, например, преподаватели наиболее строго следят за посещаемостью студентов направлений «Лингвистика», «Менеджмент», «Математика» и наименее строго — за обучающимися остальных направлений. В связи с этим студенты таких университетов вынуждены жертвовать свободным временем и личными желаниями в угоду образованию.

Несмотря на вышеуказанные факты, доля тех, кто совмещает учебу с работой, очень высока. Это служит признаком того, что у студентов есть силы и время, чтобы осуществлять собственные амбиции, а не заикливаться на занятиях в университете. Вместе с этим некоторые молодые люди не заинтересованы ни в работе, ни в собственных увлечениях. Довольно часто такие обучающиеся без причины пропускают занятия и посвящают время отдыху, из-за чего появляются проблемы с посещаемостью и оценками.

В большинстве случаев российские студенты выражают пессимистичную точку зрения о своих результатах или о своем будущем. В процессе опроса они часто говорят о том, что не знают, где смогут применить навыки, полученные в процессе обучения, и смогут ли они вообще найти подходящую работу. Главной причиной такой позиции является принуждение родителей к получению образования или незнание того, что им нужно делать в будущем.

«Если честно, я не знаю, что мне делать после окончания бакалавриата. Наверное, пойду в магистратуру, куда мне еще идти...» (Рос. студ. 3 курс, жен., 19 лет).

Таким образом, ответы студентов на вопросы по критерию снисходительности/сдержанности показали практически одинаковые усредненные результаты. Такие результаты идентичны тем, которые Г. Хофстеде предлагал в своих исследованиях: большинство студентов придерживается социальных норм, контролирует удовлетворение своих собственных желаний и не имеет возможности уделять много времени досугу.

Обсуждение и заключение

По мнению Г. Хофстеде, китайское общество отличается высокой дистанцией власти, низким уровнем индивидуализма, склонностью к маскулинности, высокой степенью избегания неопределенности, долгосрочной ориентацией и сдержанностью. Российское общество является обладателем ценностей с более выраженной дистанцией власти, уровнем индивидуализма, равным китайскому показателям, низким уровнем маскулинности, наиболее высокой степенью избегания неопределенности, долгосрочной ориентацией и сдержанностью. Подчеркнем, что задачей данного исследования было сравнение показателей отдельной социальной группы — представителей российского и китайского студенчества. Представляется возможным утверждать, что в соответствии с выдвинутыми нами гипотезами результаты сравнения ценностей китайский и российских студентов по некоторым критериям в настоящее время несколько разнятся с данными Г. Хофстеде.

Главным результатом исследования стало выделение нами трех критериев, где обнаруживаются некоторые несовпадения данных ученого и результатов нашего опроса. Так, к главным различиям мы относим сравнение по критериям дистанции власти, уровню индивидуализма и избегания неопределенности.

Как уже было сказано, изучение культурных ценностей студенчества в настоящее время является весьма актуальной темой научных исследований, в том числе и в силу того, что это необходимо для успешной интеграции иностранных студентов в образовательном пространстве другой страны, что подтверждает значительное количество работ по данной тематике (Watkins, Biggs, 2002; Максимов, Панина, 2017; Дерюгин и др., 2021). Представляется, что сопоставление мнений китайских и российских студентов может также внести свой вклад в фундаментальное изучение культурных ценностей студентов из различных стран, отличающихся по уровню социального, экономического или политического развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 712 с.

Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмак О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 135–151.

Козлова Ю.В. Внутренние и внешние аспекты социальной атомизации // Социальные процессы современной России В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 225–228.

Краличев А.В. Ценности и нормы студенческой молодежи в современной России. URL: <https://elis.psu.ru/node/387101> (дата обращения: 17.07.2024).

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.

Максимов Н. Р., Панина С. В. К вопросу о социальной адаптации китайских студентов в российских университетах // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №1.

Науменко Т.В., Морозова Д.А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1. С. 144–154.

Солопов Р. В., Таратухина Ю. В. Принципы и модель выбора мультимедийных технологий и методов обучения в электронной образовательной среде // XI Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен» : сборник докладов. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2016. Ч. 1. С. 391-403.

Beugelsdijk S., Welzel C. Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49, № 10. P. 1469–1505. <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>

Bluszcz M. A. Cultural comparison between China and Germany based on Hofstede and Globe // *International Journal of Marketing, Financial Services & Management Research*. 2016. Vol. 5, № 10. P. 58–68.

Girlando A. P., Eduljee N. B. An Empirical Investigation of the Malleability of Hofstede's Cultural Dimensions: The Case of the United States and Russia // *Journal of Transnational Management*. 2010. Vol. 15, № 3. P. 265–289. <https://doi.org/10.1080/15475778.2010.514201>

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2, № 1. P. 45–66. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Jones M. L., Alony I. The cultural impact of information systems — through the eyes of Hofstede — a critical journey // *Issues in Informing Science and Information Technology*. 2008. Vol. 4, № 3. P. 407–419. <https://doi.org/10.28945/960>

Watkins D., Biggs J. Teaching the Chinese learner: psychological and pedagogical perspectives // *International Journal of Intercultural Relations*. 2002. № 26. P. 595–607. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(02\)00035-4](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(02)00035-4)

杨佳航. 从文化维度理论透过教育分析中美文化差异 // *教育科学发*. 2021年. 第 163-165页. (Ян Цзяхан. Анализ культурных различий между Китаем и США через образование с точки зрения теории культурного измерения // *Развитие науки в образовании*. 2021. № 5. С. 163-165.

REFERENCES

Arendt, Kh. (2018). *Essays in Understanding, 1930–1954. Formation, Exile and Totalitarianism*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russ.).

Deryugin, P. P., Kremnev, E. V., Yarmak, O. V. Shi I and Vehnsin' Chzhehn. (2021). Network models of business values in the human capital structure of Chinese students. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 7(3), 135–151. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2> (In Russ.).

Kozlova, Yu.V. (2020). Internal and external aspects of social atomization. *Social'nye protsessy sovremennoi Rossii*. In 2 volumes. Vol. 1. N. Novgorod: Izd-vo NISOC (pp. 225–228). (In Russ.)

Kralichev, A. V. *Values and norms of student youth in modern Russia*. URL: <https://elis.psu.ru/node/387101> (accessed: 17.07.2024). (In Russ.).

Lebedeva, N. M., Tatarko, A. N. (2007). *Cultural values and social development*. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShE. (In Russ.)

Maksimov, N. R., Panina, S. V. (2017). On the issue of social adaptation of Chinese students in Russian universities. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 1. (In Russ.).

Naumenko, T. V., Morozova, D. A. (2018). The theory of intercultural dimensions by G. Hofstede as a methodological basis for the study of modern social processes. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanij kul'tury*, 1, 144–154. (In Russ.).

Solopov, R. V., Taratukhina, Yu. V. (2016). Principles and the model of choosing multi-media technologies and teaching methods in an electronic educational environment. *XI Mezhdunarodnaya konferentsiya «Rossiiskie regiony v fokuse peremen»*, Ekaterinburg : Izdatel'stvo UMC UPI (pp. 391–403). (In Russ.).

Beugelsdijk, S., Welzel, C. (2018). Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(10), 1469–1505. <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>

Bluszcz, M. A. (2016). *Cultural comparison between China and Germany based on Hofstede and Globe. International Journal of Marketing, Financial Services & Management Research*, 5(10), 58–68.

Girlando, A. P., Eduljee, N. B. (2010). An Empirical Investigation of the Malleability of Hofstede's Cultural Dimensions: The Case of the United States and Russia. *Journal of Transnational Management*, 15(3), 265–289. <https://doi.org/10.1080/15475778.2010.514201>

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), 45–66. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Jones, M. L., Alony, I. (2008). The cultural impact of information systems — through the eyes of Hofstede — a critical journey. *Issues in Informing Science and Information Technology*, 4(3), 407–419. <https://doi.org/10.28945/960>

Watkins, D., Biggs, J. (2002). Teaching the Chinese learner: psychological and pedagogical perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*, 26, 595–607. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(02\)00035-4](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(02)00035-4)

Yan, Tsyakhan. (2021). Analysis of cultural differences between China and the United States through education from the point of view of the theory of cultural dimension. *Tsyaoyui kehsyuehfa*, 5, 163–165. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Кузнецова — канд. филол. наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой регионоведения АТР, руководитель сектора трансрегионализации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной региологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

Olga V. Kuznetsova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Head of the Department of Asia-Pacific Regional Studies, Head of the Transregionalization Sector of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Faculty of Foreign Languages, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute, Sociological Institute of RAS, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Евгений Владимирович Кремнёв — канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук г. Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny V. Kremnyov — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Faculty of Foreign Languages, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute, Sociological Institute of RAS, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

София Евгеньевна Алексеюк — студент, стажер Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Иркутского государственного г. Иркутск, Россия.

Sofia E. Alexeyuk — student, intern of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Faculty of Foreign Languages, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.08.2024;
принята к публикации 27.08.2024.
The article was submitted 06.08.2024;
approved after reviewing 27.08.2024;
accepted for publication 27.08.2024.